

После вчерашнего раскрытия Хэ Юй чувствовал себя неловко, чтобы снова прижиматься к Чу И и хныкать, ведь раньше у него был образ слабого омеги, и это выглядело естественно.

Теперь же в глазах Чу И он был настоящим охранником, и прижиматься к нему... было неуместно.

Хэ Юй вздохнул и незаметно отступил на полшага, держась на расстоянии.

— Я что, ядовитый? — вдруг спросил Чу И, схватив его за шею и притянув к себе, другой рукой беспорядочно взъерошивая его волосы, превращая крутую причёску в птичье гнездо. — Боишься, что я умру, и некому будет унаследовать твои коробки лапши?

Хэ Юй оказался полностью в его объятиях, и, кроме чистого аромата стирального порошка, он чувствовал лёгкий холодный запах, который был только у Чу И. Он окружал его, не навязчиво, но угрожающе.

Это заставляло сердце трепетать.

Апрель, температура поднялась, одежды стало меньше.

Поэтому, когда они обнимались, ткань между ними тоже становилась тоньше.

Именно поэтому, подумал Хэ Юй, его уши так горели.

— Я спрашиваю, — продолжал Чу И, игнорируя проходящих мимо учеников, обнимая своего арендованного парня с видом следователя, — тебя не устраивают условия контракта?

— Нет-нет-нет, — Хэ Юй запоздало осознал, что ему нужно ответить, и, уткнувшись лицом в его грудь, поднял голову с искренней улыбкой. — Просто ты сегодня такой красивый, что ослепляешь меня своим сиянием. Я отошёл, чтобы избежать этого.

— 145 баллов по китайскому — это слишком для тебя, — Чу И ущипнул его за нос.

Хэ Юй не мог дышать и, открыв рот, закричал, его голос был как будто с эффектами, смешным и жалким:

— Ваш покорный слуга говорит только правду, Ваше Величество!

Чу И усмехнулся, насладившись его мучениями, и, отпустив, взял его за руку, чтобы идти дальше.

Хэ Юй вздохнул с облегчением, посмотрев на их сплетённые пальцы, и снова не смог сдержать улыбки. Чу И был таким нежным человеком, даже держался за руку, сплетая пальцы.

И тут он услышал, как Чу И сказал:

— Продолжай, я слушаю.

«Моего брата нелегко успокоить, если он разозлится!» — эта мудрость Цзян Юэнань постоянно звучала в голове Хэ Юя.

— Брат, ты самый красивый альфа, которого я встречал за свои восемнадцать лет, — Хэ Юй мог бы подумать, прежде чем хвалить кого-то другого, но с Чу И он говорил без раздумий, выплёскивая всю свою похвалу. — Ты так~~~~красив, что с чёлкой или без, а я, с чёлкой, выгляжу как нищий.

— Ну, ты довольно долго просил милостыню, — Чу И был мастером сарказма.

— ...Ага, — Хэ Юй смущённо улыбнулся и махнул рукой. — Мне нужно быть скромным и меньше общаться. Ночью я работаю, а днём каждый новый знакомый — это лишняя минута без сна, это слишком мучительно.

— Лучше уволься до третьего курса, — серьёзно сказал Чу И.

Хэ Юй был умным, поэтому он хорошо учился, но они были похожи: он мог меньше стараться, чем другие, но это не значит, что он мог учиться без усилий.

Хотя Хэ Юй часто выглядел так, будто спит за партой, на самом деле он слушал, и все домашние задания он делал, когда находил время — он мог не сдавать их, но каждое из них было выполнено.

Тело омеги хрупкое, и постоянное недосыпание могло привести к внезапной смерти.

— Нет, — сказал Хэ Юй. — Это мой основной доход, без него мне придётся есть только лапшу.

— Ты можешь подрабатывать репетиторством, — предложил Чу И.

— Репетиторство — это подработка, оно приносит меньше и не так стабильно, — ответил Хэ Юй. — Брат, ты же знаешь, как быстро я трачу деньги. Если ты дашь мне сто тысяч, я могу потратить их за ночь, оставив сто юаней на лапшу. Репетиторство не принесёт столько.

— Ты гордишься этим? — Чу И усмехнулся. — Сегодня выбрось всю лапшу.

Хэ Юй снова поднял руку, на этот раз искренне:

— Ваше Величество, лапша не виновата!

— Тогда отдай друзьям, — Чу И проигнорировал его выражение лица, полное утраты любимой еды. — Хэ Юй, это не обсуждается.

Хэ Юй надулся, но тут же вспомнил, что его секрет раскрыт, и надувание губ больше не работает.

Теперь он был ещё более расстроен, с печальным вздохом отвернулся.

Всё кончено, он больше не был маленьким сокровищем, которое берегли, как зеницу ока. Теперь он был грубым Хэ Юем, и никто не баловал его.

Чем больше он думал об этом, тем больше ему хотелось плакать.

— Я тебя обидел? — Чу И хмыкнул, положив ладонь на его голову, и, хотя движения были грубыми, они были лёгкими, и голос тоже был тихим. — Оставляю тебе лапшу со старой кислой капустой.

Хэ Юй сразу ожил.

С тех пор, как Чу И узнал, что он постоянно недосыпает, их время прибытия в школу стало за пределами поздним.

Чем позже, тем лучше, каждая секунда сна была на вес золота, и каждый день они сталкивались с завучем Цзэн у ворот школы.

До утренних занятий оставались минуты, и ученики, как будто на краю апокалипсиса, неслись в школу с булочками в зубах, пакетами с печеньем и стаканами соевого молока.

Цзэн Гуанхун стоял у ворот и кричал:

— Проснитесь на пять минут раньше, и вы не будете такими сонными! Не бегите так быстро! Не протыкайте горло трубочками от молока! Что важнее — дисциплина или жизнь? Ты! Ты подшивал штаны? Из какого ты класса? А ты почему без школьной формы? Постриги волосы! Кто разрешил тебе красить губы? Сними с ушей эти штуки! Вы здесь учитесь или на конкурс красоты пришли?

— Завуч Цзэн всегда такой энергичный, — зевнул Хэ Юй, держась за руку с Чу И, когда они входили в школу.

Цзэн Гуанхун, как радар, тут же обернулся, и каждый день он хотя бы раз ловил их.

— Чу И! Хэ— — Цзэн Гуанхун остановился, поправил очки, неуверенно глядя на ученика с уложенными волосами и без очков, который выглядел совсем не как скромный Хэ Юй.

Атмосфера на мгновение застыла, вокруг зашептались ученики, и Цзэн Гуанхун, разозлившись, указал на Чу И:

— Ты встречаешься, это понятно, но ты ещё и изменяешь! В таком возрасте ты уже не учишься, а занимаешься ерундой!

Чу И обнял Хэ Юя, положил подбородок ему на голову и с ленивой улыбкой сказал:

— Завуч Цзэн, присмотришься внимательнее, я не изменяю.

Хэ Юй, находясь в его объятиях, с трудом высвободил руку и поднял её, скромно сказав:

— Докладываю, завуч, это я, Хэ Юй.

Но эта причёска, это лицо и эта ухмылка никак не ассоциировались со скромностью, а скорее с желанием разозлить.

Цзэн Гуанхун, не успев убрать руку, открыл рот от удивления, затем нахмурился и замер на несколько секунд.

И когда Хэ Юй уже подумал, что завуч Цзэн наконец-то замолчал, тот вдруг повернулся к нему и заорал:

— Хэ Юй! Кто разрешил тебе укладывать волосы? Иди сюда, подпишись!

Хэ Юй с невинным видом почесал голову, он даже не использовал гель, просто волосы были мягкими и легко укладывались.

Хэ Юй стал жертвой своей дерзкой причёски.

— Что плохого в укладке волос? — Чу И, обняв его, пошёл к зданию школы, усмехнувшись. — Если вам нравится, вы тоже можете уложить свои. В правилах школы запрещено красить и завивать волосы, но ничего не сказано про укладку.

<http://bllate.org/book/15494/1374417>